

Рѣчи, произнесенныя надъ гробомъ Преосвященнѣйшаго Епископа Михаила, во время панихидъ, 20 и 21 августа, и при погребеніи 22-го августа.

I. ¹⁾

„Чадо, надъ мертвецемъ источи слезы, исчезе бо свѣтъ.. Горекъ сотвори плачь и рыданіе тепло, и сотвори сътованіе, якоже ему достоитъ“ (Сир. 38, 16—17; 22, 9).

Не вольно сердце наше наполняется неутѣшной скорбью, при видѣ настоящаго гроба съ тѣломъ Преосвященнѣйшаго Михаила.. Неумолимая смерть сразила его въ разцвѣтѣ силъ — подобно тому, какъ пышную, благоухающую розу побиваетъ жестокой морозъ. Кто не любилъ Преосвященнѣйшаго Михаила? Кто не зналъ прекрасныхъ свойствъ его души и кто, наконецъ, не восплачетъ о немъ въ сей часъ смертный? Онъ всѣмъ намъ былъ любезенъ и дорогъ, и вотъ — его уже нѣтъ среди насъ.. Какая горесть! Неужели для смерти не нашлось другой подходящей жертвы и неужели цѣль ея — косить наилучшихъ въ жизни людей, исполненныхъ внутренняго достоинства и силы, людей еще сравнительно молодыхъ? На этотъ тревожный вопросъ мы находимъ отвѣтъ въ словѣ Божиѣмъ: „старость честна не многолѣтна, ниже въ числѣ лѣтъ исчитается: сѣдина же есть мудрость челоуѣкомъ, и возрастъ старости житіе нескверно. Благоугоденъ Богови бывъ, возлюбленъ бысть, и живый посредѣ грѣшныхъ преставленъ бысть: и восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его, или лестъ прельститъ душу его“ (Премудр Сол. 4, 8—11) Этотъ отвѣтъ вливаетъ въ наше наболѣвшее сердце цѣлительное успокоеніе: почившій

¹⁾ Произнес. 20-го августа, по церенесеніи гроба въ каедральный соборъ, предъ панихидою.

владыка былъ возлюбленъ Богомъ и отозванъ къ Нему на небо; почившій владыка былъ сравнительно молодъ, но при сущей его духовной природѣ умъ показывалъ, что онъ развить не по лѣтамъ, и на немъ, какъ нельзя лучше, оправдывается тотъ Божественный законъ, что мудрость человѣческая есть въ своемъ родѣ сѣдина, которая опредѣляется не количествомъ лѣтъ, а соответственными обнаруженіями: словами, дѣйствіями, распоряженіями. Мы не будемъ входить въ подробное исчисленіе дѣлъ почившаго владыки, но должны сказать, что на всѣхъ его дѣлахъ, касающихся св. Церкви, лежитъ отпечатокъ Богомъ дарованной ему мудрости, той мудрости, которая, не ограничиваясь предѣлами настоящаго, снимаетъ таинственный покровъ съ ближайшаго будущаго и дѣлаетъ человѣка прозорливымъ даже въ отношеніи отдаленныхъ событій. Разсматриваемая съ этой стороны его дѣятельность заслуживаетъ нашего удивленія и заставляетъ предположить, что на немъ въ изобиліи почилъ вседѣйствующая благодать Божія. Эта благодать Божія не покидала его до самой смерти, иначе какъ объяснить, что почившій владыка все время своего нелегкаго служенія, даже въ разгаръ своей мучительной болѣзни, не переставалъ заниматься текущими дѣлами? (Обезсиленный тѣломъ, прикованный къ смертному одру, онъ все же интересовался текущей христіанской жизнью и дѣлалъ необходимыя распоряженія, какъ бы вовсе забывая о смерти *) Поистинѣ великъ бываетъ духъ человѣка, облагодѣтельствованный силою Божіей! При помощи этой силы, владыка сдѣлалъ и за свою, повидимому, кратковременную жизнь очень много полезныхъ, добрыхъ дѣлъ. Въ свое время его дѣла занесетъ на свои страницы лѣтопись церковная, наша же обязанность возблагодарить его отъ сердца за всѣ его мудрыя и добрыя дѣянія. Конечно, въ душахъ многихъ изъ насъ сохраняются по

*) Никогда намъ не забыть, какъ Преосвященнѣйшій сказалъ, что ему „среди дѣлъ приходится умирать“.

отношенію къ владыкѣ самыя свѣтлыя настроенія и при воспоминаніи о немъ каждый разъ будутъ приходить на мысль слова писанія: „скончався в малѣ исполни лѣта долга: угодна бо бѣ Господеву душа его“ (Прем. Сол. 4, 13—14). Я увѣренъ также, что та любовь, которую вселилъ владыка въ сердца наши, не угаснетъ къ нему съ погребеніемъ его, напротивъ, — она будетъ возгрѣваться свѣточемъ доброй, вѣчной памяти о немъ. Не забудемъ, что и владыка любилъ насъ искреннею, нелицемѣрною любовью и что въ предсмертный часъ онъ посылалъ намъ свое Архипастырское, любвеобильное благословеніе. Забудемъ ли нашего кроткаго и любезнаго владыку? Забудемъ ли Архипастырскій завѣтъ его?.. Завѣтъ же его тотъ, чтобы христіане братски любили другъ друга и въ чистотѣ хранили свою православную вѣру, и чтобы, творя о немъ память, молились о немъ Господу Богу.

Горя любовію къ почившему владыкѣ, постараемся, бр., исполнить предсмертный завѣтъ его: будемъ преданы всею душою св. православной Церкви и будемъ наичаще молиться объ усопшемъ владыкѣ, — да упокоитъ Господь его чистую душу въ небесныхъ кровахъ Своихъ, вмѣстѣ со святыми! Аминь.

Таврическій епархіальный миссіонеръ, свящ. Павелъ *Тихвинскій*.

II¹⁾.

Разсыпая радость сердець нашихъ, обратися въ плачь ликъ нашъ, спаде вънецъ съ главы нашея: горе намъ, яко согръшихомъ. О семъ смутися сердце наше, о семъ померкнуша очи наши (Плач. Иерем. 5, 15—17).

Такъ нѣкогда зывалъ св. Пророкъ при видѣ разрушеннаго города Іерусалима, при видѣ опустошеннаго отечества, отведеннаго въ плѣнь народа, лишившагося своего вѣнценоснаго помазанника. Такъ зываемъ теперь и мы при видѣ этого гроба отъ лица осиротѣлой Таврической паствы, лишившейся своего уважаемаго Архипастыря, Преосвященнѣйшаго Епископа Михаила

Скорбь объемлетъ души наши, цѣпенѣтъ умъ, безмолствуетъ языкъ — при видѣ этого гроба, такъ рано и преждевременно скрывающаго отъ насъ бранныя останки нашего Архипастыря, возлетѣвшаго душею въ горнія обители Небеснаго Отца и представшаго уже предъ Праведнымъ и Нелицепріятнымъ Судіею.

Почившій Архипастырь оставилъ этотъ міръ въ полномъ разцвѣтѣ духовныхъ силъ, когда по расчетамъ человѣческимъ только бы ему и потрудиться на пользу ввѣренной ему паствы, — въ такомъ возрастѣ, который свидѣтельствуетъ только о мощи духа, укрѣпленнаго и жизненнымъ опытомъ, когда человѣкъ бываетъ полонъ силъ и энергіи къ работѣ. И не долго этотъ свѣтильникъ горѣлъ на свѣщницѣ Таврической; нѣтъ еще и трехъ лѣтъ, какъ возсіялъ онъ на небосклонѣ и озарилъ своимъ свѣтомъ горизонтъ Таврической паствы.

Когда блаженной памяти архипастырь нашъ, Высокопреосвященнѣйшій Мартиніанъ, пожелалъ облегчить бремя

¹⁾ Произнесено 21-го августа, во время паннихиды.

епархіального управління и испросилъ себѣ помощника, когда епархію облетѣла вѣсть, что выборъ умудреннаго жизненнымъ опытомъ святителя палъ на Полтавскаго викарія Преосвященнѣйшаго Михаила, — съ какимъ восторгомъ приняла эту вѣсть паства Таврическая и съ нетерпѣніемъ ожидала радостнаго дня — пріѣзда Владыки. 21 декабря 1895 г. было днемъ вступленія Преосвященнѣйшаго Михаила на паству Таврическую, архипастырь съ перваго же раза всѣхъ расположилъ къ себѣ благородствомъ своей высокой души, силою своего свѣтлаго недюжиннаго ума, глубиною своего созерцанія, доступностію и ласковостію своего обхожденія. А, какъ радъ былъ его пріѣзду Высокопреосвященнѣйшій Мартиніанъ. Онъ относился къ нему съ нѣжною любовію попечительнаго отца, стараясь по возможности доставить дорогому гостю и сотруднику всѣ жизненныя удобства, а этотъ въ свою очередь старался оказать маститому архипастырю знаки своего глубокаго къ нему уваженія. Намъ не разъ приходилось видѣть и радоваться картиною совмѣстнаго пребыванія обоихъ архипастырей. Сколь была она полна любви и благорасположенности!... Когда бывало чело маститаго старца, иногда при какихъ либо огорченіяхъ и тягостяхъ епархіального управления, покрывалось тѣнью печали. — нужно было только два-три сердечныхъ слова, иногда одинъ взоръ Владыки Михаила, растворенный пріятною улыбкою, чтобы видѣть старца вполне довольнымъ и счастливымъ.

Затѣмъ, съ небольшимъ черезъ годъ, когда, по слабости своихъ силъ, Высокопреосвященнѣйшій Мартиніанъ нашелъ нужнымъ передать и совѣмъ паству Таврическую въ управленіе Преосвященнѣйшаго Михаила, новый Владыка со всею эрергіею принялся за дѣла епархіального управления. 27 января 1897 г. было днемъ вступленія его въ самостоятельное управленіе епархіею. И съ этого времени не осталось ни одной отрасли епархіального управления,

гдѣ бы Владыка ни приложилъ своего ума и своей необыкновенной энергіи воли. При необычно ясномъ умѣ это былъ человѣкъ несокрушимой воли, онъ былъ готовъ рѣшиться на все, и разъ принятое имъ рѣшеніе не знало отмены. Онъ говорилъ: „я иду впередъ и не отступаю“. — Онъ беззавѣтно любилъ свою епархію и паству и готовъ былъ для нея на всякую жертву, нещади своихъ силъ. Для насъ навсегда останутся незабвенными его слова, сказанныя по одному важному вопросу въ епархіальномъ управленіи: „если бы отъ меня для блага моей паствы сейчасъ потребовали смерти, я бы не задумываясь сложилъ руки!“ — Вотъ сколько силы духа, какая энергія воли была въ этомъ слабомъ изнеможенномъ тѣлѣ!.

А какое чарующее вліяніе онъ производилъ на окружающихъ глубокимъ взоромъ, яснымъ пониманіемъ вещей, своею простою и задушевною бесѣдою! Несмотря на физическую немощь, возгорался его духъ, блескъ его взоръ, и хотѣлось непрестанно слушать его бесѣду. Рѣчь его была ясна и проста, и она лилась цѣлымъ неизчерпаемымъ потокомъ, изъ котораго собесѣдникъ получалъ новую живительную силу. Особенно лицамъ, стоявшихъ на ответственномъ служебномъ посту, нужно было какъ можно чаще черпать изъ этого неизсякающаго источника глубины. Онъ такъ ободрялъ, укрѣплялъ и обновлялъ силы! Даже въ то время, когда почившій Архипастырь лежалъ въ постели, удрученной болѣзнію, намъ пришлось утруждать его дважды по неотложнымъ служебнымъ дѣламъ, и нужно было удивляться съ какою естественностію, прямою и легкостію его пронизательный умъ разрѣшалъ тѣ вопросы, которые для нашего обыкновеннаго ума были непреодолимымъ камнемъ преткновенія. И какой подъемъ духа, какая полнота силъ чувствовалась послѣ этихъ бесѣдъ! — Его глубина воззрѣній и убѣдительность въ правотѣ своего дѣла съ такою же неотразимою убѣдительностію дѣйствовала и на окружающихъ.

Прости, Пресвященнѣйшій Владыко, если мы нескромною рѣчью потревожили твой духъ; но мы считали своимъ долгомъ повѣдать это паствѣ, которая при твоей продолжительной болѣзни быть можетъ не могла узнать всѣхъ благородныхъ чертъ твоего духа.

Дабы не утомлять васъ, благоч. слушат., мы позволимъ себѣ остановить ваше вниманіе еще лишь на одной чертѣ Архипастыря. Пресвященнѣйшій Михаилъ вообще любилъ школу, любилъ дѣтей, съ удовольствіемъ посѣщалъ школы всѣхъ видовъ и названій—и духовныя и свѣтскія, и съ нескрываемымъ наслажденіемъ и восторгомъ проводилъ время въ кругу дѣтей и присутствовалъ на экзаменахъ. И вотъ въ 1896 году на экзаменѣ въ духовной семинаріи онъ поразилъ насъ своимъ глубокимъ знаніемъ Священнаго писанія. Поразилъ насъ почившій Архипастырь не знаніемъ цитатъ, не ссылками на главы и стихи библіи, но своимъ простымъ пониманіемъ слова Божія; видимо, онъ его продумалъ, прочувствовалъ, а излагалъ и передавалъ его тѣмъ же Апостольскимъ слогомъ,—въ томъ же духѣ, какъ излагали его писатели Ново-завѣтные—св. Евангелисты и Апостолы

Столь, братіе, былъ свѣтель, высокъ и неподражаемъ обликъ почившаго Архипастыря! И разставаніе съ нимъ тѣмъ болѣе наполняетъ нашу душу тяжелою скорбію.. Но... онъ былъ глубокимъ христіаниномъ, а для христіанина нѣтъ смерти, она лишь переходъ въ лучшій духовный міръ *Богъ смерти не сотвори* (Премудр. Солом. 1, 13)... *Азъ Богъ Авраама, и Богъ Исаака, и Богъ Иакова, нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ*, говоритъ слово Божіе.. Здѣсь его удручала тяжкая болѣзнь, которая и свела его въ гробъ, онъ былъ страдальцемъ и мученикомъ; а тамъ нѣтъ *ни печали, ни въздыханія, но жизнь безконечная*...—Архипастырь нашъ перешелъ въ новый міръ, благоч. слушат., съ спокойнымъ духомъ и въ полномъ сознаніи, достойно

приготовившись къ этому переходу въ вѣчность, простивши всѣхъ и самъ испросивши прощенья. И мы глубоко вѣримъ и надѣмся, что Господь приметъ его чистый духъ въ Свои небесные кровы.

Благослови же насъ, Преосвященнѣйшій Владыко, и папугствуемый нашими благожеланіями иди твердою стоною въ міръ вѣчности, къ престолу Небснаго Отца, дабы предстать непостыдно предъ Праведнымъ Судією, Который, уговоряя блаженство избраннымъ Своимъ, скажетъ о тебѣ: *рабе благій и вѣрный, звиди въ радость Господа Твоего.* Аминь.

Протоіерей Іоаннъ Тлжсловъ.

Ш. 1)

Незабвенный Архипастыр!

Прими и мое слово любви къ тебѣ и преклоненія предъ твоимъ высокимъ, свѣтлымъ, чистымъ образомъ. Далеко я отъ мысли печерпнуть слабымъ словомъ своимъ высокія свойства души твоей, которыя такъ ярко проявлялись, не считаясь съ слабыми силами твоего тѣла, которыя тѣмъ болѣе неотразимо предносятся нашему мысленному взору теперь, когда зрима тебѣ безгласна и бездыханна. И глубокою скорбью исполняются сердца наши, лишеныя радости и счастья видѣть тебѣ, слышать твое слово, исполненное мудрости и растворенное любовью, поучаться высокимъ примѣромъ твоей жизни. Правда, твои завѣты намъ не умерли съ тобою, они переживутъ тебѣ, они обезсмертятъ тебѣ въ нашихъ умахъ и сердцахъ, но... мало этого нашему сердцу: оно хотѣло бы долго и долго еще слушать эти завѣты изъ живыхъ твоихъ устъ, оно желало бы надолго еще принимать святительское благословеніе отъ твоей теплой руки... Не такъ, однако, судилъ Господь: по этому суду, неисповѣдимому для ограниченнаго разума нашего, но всегда благому, ты созрѣлъ уже для неба и вѣчности и, какъ спѣлый колосъ, уготованъ для житницы небесной.

Тѣмъ дороже для насъ теперь все то высокое, что завѣщала ты намъ и словомъ, и дѣломъ, и всею жизнью своею, отъ юныхъ лѣтъ.

Вспоминаю и тебѣ еще на школьной семинарской скамьѣ. Не для балловъ, не для отличій внѣшнихъ ты учился. Твой пытливый, жаждавшій знаній, умъ далеко уходилъ за предѣлы учебниковъ, твоя вдумчиво-глубокая мысль ставила себѣ незаурядные вопросы, выяснять которые въ бесѣдахъ, часто-преніяхъ съ товарищами, было у тебѣ постоянною потребностью и вѣстѣ высокимъ удовольствіемъ. Чуждался ты столь обычнаго молодости легкомыслія, суесловія; въ твоёмъ присутствіи, всюду создавалась

1) Сказано предъ совершеніемъ отпѣванія.

нравственно-чистая атмосфера. Съ высокимъ стремленіемъ въ стинѣ, къ уясненію высшихъ задачъ знанія и жизни ты перешелъ въ высшую школу, гдѣ стремленіе это нашло для себя болѣе полное удовлетвореніе. Нива души твоей за семинарскій курсъ напряженною работою мысли была уготована къ тому, чтобы прочно укоренить въ себѣ высшія богословскія истины, чтобы возрастить въ себѣ святое сѣмя Евангельскаго ученія. И возрастало это Божественное сѣмя въ душѣ твоей, крѣпло, и готовилось приносить плоды сторицею. Проходить академическій курсъ твоей жизни, и Пастыреначальникъ Христось уготовляетъ тебя быть соратникомъ Ему въ великомъ и святомъ дѣлѣ сѣянія евангельскаго сѣмени: твое христіански-учительное слово возвѣщается, воспринимается и запечатлѣвается въ молодыхъ умахъ и сердцахъ съ кафедръ академической. И приложилъ ты тогда къ дѣлу со всякимъ тщаніемъ все то, что извлекалъ изъ книжныхъ сокровищъ, что выработывалъ въ глубинахъ своей мысли, что переживалъ въ тайникахъ своего сердца.

Но не здѣсь былъ предѣлъ высокимъ стремленіямъ твоего духа. Не могъ ты остановиться въ положеніи учителя только словомъ. Ты дѣятельно стремился къ тому, чтобы истину евангельскую воплотить не въ словѣ только, но и во всей своей жизни, чтобы по высшимъ требованіямъ евангельскимъ расположить не умъ только и сердце, но и волю, и всю свою жизнедѣятельность. Чувствовалъ ты непреодолимое къ сему стремленіе и усматрѣлъ въ этомъ для себя обязательную заповѣдь, данную Господомъ для могущихъ вмѣстити. И вотъ ты облакаешься въ иноческій образъ, предъявляешь строгое испытаніе и даешь неослабное упражненіе своей воли въ послушаніи иноческомъ. Подобно святителямъ древней Церкви ты, въ цѣляхъ самоиспытанія, удалялся по временамъ въ иноческія обители, извѣстныя особенною строгостію своихъ уставовъ, искалъ вразумленія и поученія отъ опытныхъ въ духовной жизни старцевъ, и, исполняя строгіе иноческіе уставы, стремился выправить свою волю, сообщить ей истинно-христіанскую свободу неуклоннаго хожденія по спасительному пути заповѣдей Христовыхъ. Ты забывалъ въ этихъ подвигахъ и

свои всегдашнія немощи тѣла... Сладостно было для твоего, стремившагося къ христіанскому идеалу, сердца это дисциплинированіе воли, это гармоническое развитіе и укрѣпленіе силъ твоего духа по духу Евангельскому.

Такъ проходилъ не одинъ годъ. Углублялся ты болѣе и болѣе въ истину Евангельскую, и это святое сѣмя въ твоихъ думахъ и размышленіяхъ давало пышный расцвѣтъ: проникало въ самые затаенные уголки человѣческаго сердца, освѣщало самые разнообразныя пути человѣческой мысли и жизни. Плодомъ этихъ размышленій оставилъ ты, между прочимъ, цѣлыя кины бумагъ, то съ замѣтками, то съ цѣлыми законченными статьями, выходившими изъ-подъ твоего пера въ тѣ многіе часы, которые проводилъ ты надъ Евангеліемъ. Ежедневное чтеніе этой Божественной книги было неизмѣннымъ правиломъ твоей жизни, оно остановлено было лишь послѣдними недѣлями тяжкаго твоего недуга; но и за это время, въ послѣдніе дни своей жизни, ты находилъ великое для себя утѣшеніе и отраду, когда другими читались для тебя свящ. слова Евангельскаго благовѣстія.

Истинно любилъ ты Христа и дѣятельно старался вообразить Его въ себѣ Радость духовную, полное равновѣсіе силъ души своей ты почиталъ полною для себя наградою за свою любовь къ Господу. Но судилъ тебѣ Господь и иную еще награду за твои добродѣтели. Свѣтильнику, столь ярко сіявшему надлежало не подѣ спудомъ быть, но на свѣщницѣ. И просвѣтился свѣтъ твой предъ челоуѣки, когда изволеніемъ Божиимъ воспринялъ ты святительскій жезлъ. Вся предшествовавшая твоя жизнь была достойнымъ къ тому приготвленіемъ, содѣлала тебя избраннымъ сосудомъ благодати епископства. И не тща была въ тебѣ эта благодать, но съ первыхъ шаговъ твоего святительства явила тебя право правящимъ слово истины Христовой. Издавна пріобрѣтенный тобою навыкъ глубоко проникать во всякій вопросъ, увѣренно отмѣчать въ немъ главное и существенное, началъ служить тебѣ добрую службу при рѣшеніи разнообразныхъ, часто запутанныхъ дѣлъ; глубокое знаніе человѣческаго сердца, вынесенное изъ долгихъ и неослабныхъ подвиговъ тщательнаго самонаблюденія и внимательнаго наблюденія

надъ душами другихъ людей, дало тебѣ способность зоркимъ взглядомъ проникать въ душу человѣка, свѣтъ Евангельской истины, ярко отражавшійся въ твоёмъ сердцѣ, быстро освѣщаль для тебя всякое дѣло со стороны его нравственной цѣнности, а теплота ея возгрѣвала твое сердце ко всему добру, честному, правдивому.

Строго требовательный къ себѣ, ты и отъ другихъ ждалъ служенія долгу прежде всего. Не словомъ только, но и всѣмъ строемъ своей жизни ты исповѣдывалъ, что *Царство Гожіе нудится*, съ трудомъ и усиліями достигается. Поэтому бдительно всегда относился ты къ себѣ, не боялся никакого труда, ради блага паствы не зналъ границъ своему самоотверженію. Подобное же желалось тебѣ видѣть и въ соработникахъ твоихъ на нивѣ Христовой. И какъ радовался ты, когда и въ другихъ замѣчалъ возгорающійся священный огонь ревностнаго служенія благу Церкви Божіей, на какомъ бы то ни было поприщѣ, хотя бы самомъ ограниченномъ! Твое любвеобильное сердце съ особенною отрадою открывалось тогда для любви и милости. Ты не могъ служить двумъ господамъ, и путь любви строго различалъ отъ послабленія, направлялъ его только чрезъ правду, и за нею только, вмѣстѣ съ св. Апостоламъ, видѣлъ и миръ и радость духовную.

Радѣя всемирно о своихъ сотрудиникахъ на нивѣ Христовой, съ какимъ вниманіемъ, съ какою попечительностью относился ты и къ мѣстному расаднику будущихъ пастырей Христовой Церкви! Какъ вникалъ ты во всѣ стороны жизни этого учебнаго заведенія, сколько плановъ было у тебя для его благоустроенія! Не недугъ даже тяжкій, а только кончина твоя пресѣкла осуществленіе твоихъ плановъ и начинаній.

Сердечный призывъ безраздѣльно и ревностно служить благу Христовой Церкви, исполнять ея свящ. уставы, — этотъ призывъ былъ и послѣднимъ твоимъ завѣтомъ, которыя изрекали твои уста, уже коснѣвшія въ предсмертныя минуты.

Святитель! Ты предстоишь теперь своею чистою душою предъ Престоломъ Всевышняго. Вѣруемъ, что ты явишься предъ Нимъ столь умиленное для насъ дерзновеніе молитвеннаго и за насъ ходатайства. Свою чистую

жизнь въ предсмертные дни свои ты запечатлѣлъ благо-
дателью св. Таинствъ. Ты перешелъ въ горній міръ послѣ
полнаго христіанскаго напутствія. Послѣдніе дни ты еже-
дневно сподоблялся принятія св. Таинъ Христовыхъ, соеди-
нялся тѣснѣйшимъ образомъ съ Христомъ Спасителемъ,
Которому безраздѣльно служилъ во всю свою жизнь. И при
послѣднемъ вздохѣ ты, подобно св. Апостолу, былъ въ
свѣтломъ чаяніи разрѣшиться отъ тѣла и на всегда уже
со Христомъ быти. Если же за немощью естества и осталось
что не очищеннымъ въ твоей душѣ, то вѣруемъ и уповаемъ,
что молитва нашей любви преклонить къ тебѣ милующую
десницу Божию. Объ этомъ молимъ мы Господа теперь при
гробѣ твоёмъ. Но и могила скроетъ отъ насъ только бренное
твое тѣло, свѣтлый же твой образъ неискоренимо останется
въ нашихъ любящихъ сердцахъ и не изгладится въ нихъ
молитвенная о тебѣ память.

Ректоръ семинаріи, прот. *В. Знаменскій.*

IV. ¹⁾

Итакъ, свершилось то, что съ такимъ трепетомъ и болью сердечною ожидалось: не стало Владыки Михаила; погасъ свѣтильникъ, ярко, хотя и кратковременно, горѣвшій, на свѣщаницѣ Таврической епархіи. Злой недугъ, такъ долго подтачивавшій его силы, преждевременно, во цвѣтѣ лѣтъ, уноситъ его отъ насъ въ могилу. Бесильна оказалась мудрость человѣческая задержать эту страшную, хотя и естественную, развязку жизненной драмы; бесплодною оказалась любовь, изыскивавшая всевозможныя средства къ борьбѣ съ недугомъ; не услышалъ Господь моленій паствы Таврической и всѣхъ любящихъ сердце о драгоценной жизни святителя... Съ чувствомъ глубокой скорби, съ сознаниемъ ничтожества всего земного, смотримъ мы теперь на эти бранные останки, которые чрезъ нѣсколько минутъ земля готова принять въ свои чѣдра. Но не будемъ отчаиваться. Преклонимся предъ волей Провидѣнія. Не будемъ пытаться проникнуть въ судьбы Божіи, которыя, по слову Писанія, *суть бездна многа*. Нашъ долгъ, при видѣ этого зрѣлища смерти, поразмыслить и извлечь урокъ изъ жизни почившаго святителя.

Позволь же мнѣ, Святой Владыко, въ утѣшеніе себѣ и назиданіе пришедшихъ поклониться честнымъ твоимъ останкамъ, повѣдать то, что подсказываетъ моя любовь къ тебѣ.

19-ть лѣтъ тому назадъ, еще на восходящей зарѣ твоей жизни, ты, будучи юнымъ питомцемъ родной Тамбовской семинаріи, оплакивалъ вмѣстѣ съ нами смерть нашего общаго любимаго наставника. ²⁾ Въ своей надгробной рѣчи ты говорилъ тогда о необходимости подражать высокимъ качествамъ этого наставника, девизомъ своей жизни поставившаго великую идею долга, своею жизнью пожертвовавшаго для блага своихъ питомцевъ; говорилъ о томъ, что каждаго изъ насъ, по выходѣ изъ школы, ожидаетъ трудовая жизнь, требующая мною характера, самоотверже-

¹⁾ Сказ. предъ опусканіемъ гроба въ могилу.

²⁾ Рѣчь идетъ о Д. И. Успенскомъ, преподавателѣ философскихъ наукъ въ Тамб. дух. семинаріи, умершемъ отъ чахотки въ 1879 г. Покойный былъ даровитѣйшимъ наставникомъ, пользовавшимся особенною любовью и уваженіемъ со стороны своихъ учениковъ, въ томъ числѣ и почившаго архипастыря.

нія, борьбы, во имя христіанскаго долга, съ другими людьми, съ самими собой...

А теперь, за нѣсколько дней, даже часовъ и минутъ до кончины, уже предъ закатомъ зари твоей жизни, ты говорилъ близкимъ тебѣ, что умираешь спокойно, съ сознаниемъ, что исполнялъ только требованія долга; завѣщаль и имъ трудъ для Церкви, достойное и честное исполненіе долга, во имя любви къ ближнимъ. Вспоминалъ ты неоднократно, какою любовью окружаемъ былъ во всю свою жизнь, и какъ самъ любилъ людей, по долгу епископскаго званія не отказывая въ духовномъ общеніи съ тобою никому изъ тѣхъ, кто искалъ его, кто въ немъ нуждался..

Итакъ, вотъ въ какихъ словахъ можетъ быть обрисована вся твоя жизнь, Владыко, начиная съ преддверія ея и кончая исходомъ: долгъ, самоотверженный трудъ на пользу Церкви и ближнимъ, любовь—живая, дѣятельная къ людямъ.

И мы знаемъ, насколько ты былъ вѣренъ этимъ началамъ. И въ средней и высшей школѣ твоими поступками руководило сознанье христіанскаго долга. И тогда, еще, въ дни своей юности, ты, по свѣтлomu своему уму, по нравственной своей высотѣ, по твердости и опредѣленности своихъ убѣжденій, заслуживалъ названье истиннаго философа—христіанина, былъ вождемъ и руководителемъ своихъ товарищей въ стремленіи къ осуществленію идеи долга.

Въ лѣтописяхъ Петербургской духовной академіи имя твое навсегда останется памятнымъ, какъ имя возстановителя монашества среди учащагося студенчества, главы первой дружины молодыхъ иноковъ, ея духовнаго руководителя.

Но и для тѣхъ изъ товарищей, кто не принялъ монашества, твой примѣръ, твоя свѣтлая личность служили побужденіемъ къ нравственному облагороженію; невольно преклоняясь предъ высотой твоего подвига, подчиняясь обаянію твоей свѣтлой личности, они дѣлались лучше, и имя о. Михаила было для нихъ синонимомъ всего честнаго, благороднаго и правдиваго.

Служитель христіанскаго долга въ школѣ, ты былъ такимъ же и въ жизни. Не стану говорить о дѣятельности твоей въ званіи наставника, а потомъ инспектора академіи; не буду говорить о служеніи твоемъ въ званіи настоятеля миссіи въ Аѳинахъ и о времени святительства въ Полтавѣ. Сравнительно здоровый физическій, на этихъ поприщахъ, ты имѣлъ, съ точки зрѣнія человеческой, болѣе возможности заботиться объ исполненіи своего дол-

га, не отвлекаться заботами о личном своемъ здоровьи, — хотя съ такою самоотверженностію, съ такою энергіею и любовью къ дѣлу развѣ все здоровые люди исполняютъ свой долгъ? Я остановлю свое вниманіе на послѣднихъ полутора годахъ твоего архипастырскаго служенія въ Таврической епархіи. Больной, съ надорванными тяжелымъ недугомъ силами, ты сталъ во главѣ ея, — и что же? Помѣшала ли тебѣ болѣзнь быть честнымъ исполнителемъ своего архипастырскаго долга? Подумалъ ли ты хотя разъ отступиться отъ того, что подсказывала тебѣ твоя совѣсть, сознаніе святости взятаго на себя дѣла? Нѣтъ, и тутъ ты остался все тѣмъ же самоотверженнымъ ревнителемъ правды Божіей, право правящимъ слово святой истины. Долгъ совѣсти, долгъ христіанскаго сознанія не мирятся съ обыденными житейскими представленіями о дѣятеляхъ общественнаго блага. Мудрость практическая, во имя мнимаго мира въ обществѣ, во имя личнаго самоохраненія и спокойствія, нерѣдко подсказываетъ и такъ или иначе оправдываетъ сдѣлки съ совѣстію. Но ты не былъ такимъ. Для тебя всякое шатаніе сѣмо и овамо, всякая неопредѣленность были неперенямы, какъ вывѣска безочвенности, безхарактерности, какъ признакъ плохого общественнаго дѣятеля. И мы знаемъ, съ какою болью сердца, съ какою душевною тугою встрѣчалъ ты такія явленія въ области своего архипастырскаго служенія; какихъ мученій, бессонныхъ ночей стояло для тебя рѣшиться поступить такъ, какъ подсказывалъ тебѣ твой долгъ. И, безъ сомнѣнія, это ускорило ходъ твоей болѣзни, ускорило и кончину твою, Владыко. Быть дѣятелемъ честнымъ, нелицемѣрнымъ — дѣло нелегкое, и вдохновлять на него можетъ только крѣпкое христіанское самосознаніе. Для такихъ людей долгъ прежде всего; ему они подчиняютъ влеченія своего сердца, личное свое спокойствіе, свое личное благо.

Да поможетъ же намъ твой свѣтлый образъ быть достойными своего званія въ служеніи общественному благу! Да укрѣпимся и мы въ сознаніи, что въ самоотверженномъ исполненіи своего долга, въ служеніи Церкви и ближнимъ заключается весь смыслъ нашей жизни и дѣятельности здѣсь, на землѣ! Тогда и мы, въ часъ смертный, при переходѣ въ жизнь вѣчную, подобно тебѣ, испытаемъ свѣтлое и родостное сознаніе, что подвигомъ добрымъ подвизались мы, исполняя только то, чего требовалъ отъ насъ долгъ нашъ.

Другая черта въ твоей жизни и характерѣ, архипастырь, —

это любовь къ людямъ, твое мягкое, деликатное отношеніе къ нимъ. Ты принадлежалъ къ числу тѣхъ избранныхъ и рѣдкихъ натуръ, одно появленіе которыхъ въ среду людскую всюду разноситъ свѣтъ и миръ. Нѣсколько простыхъ словъ, одинъ взглядъ твой, одна улыбка—добрая, ласковая, любящая улыбка,—и чело-вѣкъ, первый разъ видѣвшій тебя, привязывался къ тебѣ всѣмъ сердцемъ, считалъ счастьемъ, если лишній разъ приходилось видѣть тебя и бесѣдовать съ тобой.

А какъ, горячо, искренно любили тебя дѣти! Какимъ торжествомъ были для учебныхъ заведеній твоихъ посѣщенія ихъ—въ дни ли храмовыхъ праздниковъ, когда ты совершалъ въ нихъ богослуженія и добрый, ласковый, обращался къ дѣтямъ съ словомъ назиданія, или дни экзаменовъ, когда твое присутствіе на нихъ, вмѣсто стѣсненія, вливало въ дѣтей духъ бодрости и помогало отвѣчать лучше, чѣмъ въ другое время! Безконечно счастливымъ себя считали тѣ изъ дѣтей, на чью голову ты возлагалъ свою святительскую руку и сказалъ два—три слова. Живо припоминаю я, какъ во время посѣщенія тобою дѣтскаго праздника въ одномъ учебномъ заведеніи тебя окружали дѣти, съ жаждою услышать твое ласковое слово, заглянуть въ твое лицо доброе, любящее, коснуться края твоей одежды; видѣлъ я тогда, съ какимъ чувствомъ лобызали эти дѣти даже тотъ посохъ, котораго касалась твоя святительская рука!... Въ день выпуска въ этомъ же учебномъ заведеніи ты, послѣ трогательной напутственной рѣчи, раздавалъ оканчивающимъ курсъ евангелія съ разнообразными надписями на нихъ, сдѣланными твоею рукою. Помню, какою свѣтлою радостью, какимъ восторгомъ оживлялись ихъ лица при чтеніи этихъ надписей, которыя для многихъ потомъ, въ жизни, сдѣлались пророческими. Чуткое дѣтское сердце подсказывало, что одна только любовь руководила твоимъ перомъ; дѣти живо чувствовали, что ты любишь ихъ, любишь людей...

А бѣдные, обездоленные, искавшіе у тебя опоры и защиты противъ несправедливости, больные, какъ и ты самъ? Не встрѣчали ли и они въ тебѣ поддержки и утѣшенія? Простой, ласковый, привѣтливый, ты всегда былъ готовъ раскрыть объятія своего любящаго сердца на встрѣчу горю ближняго. — Ты не былъ богатъ, чтобы широко благотворить матеріально, напротивъ, ты самъ нуждался въ помощи другихъ. И однако я знаю не мало случаевъ, какъ ты помогалъ людямъ чужимъ, не связаннымъ съ тобою ни узами родства, ни узами знакомства.

да Нодораздо выше и цѣннѣе та духовная помощь, то духовное благотвореніе, которыя ты оказывалъ людямъ, и яви оное доказательствомъ этого служить изумительная по своей ширинѣ и разнообразію предметовъ твоя переписка съ людьми, въ своихъ письмахъ обращававшимися къ тебѣ—за и нравственнымъ усвоеніемъ ей поддержкою, и Навсвѣтати письма твоя бодной и слабой тѣломъ, но крѣпкій духомъ, находилъ возможнымъ отвѣчать съ полною готовностью и любовью. То утѣшавъ ты своего ближняго въ несенномъ имъ тягкомъ горѣ, то успокаиваешь его совѣсть, смущаемую вопросами примиренія вѣры и разсудка, укрѣпляешь его волю, ослабѣвшую въ стремленіяхъ къ исполненію заветовъ христіанскаго самовоспитанія, то врачуешь больную, и страдавшую душу, и сентикалной, и ономъ въ видѣ или инакъ олато, Епископъ принадлежитъ всѣмъ, — оны носить тяготы всѣхъ — говоритъ великій учитель церкви св. Л. Златоустъ, — и эти слова нашли свое осуществленіе въ твоей жизни, архипастырь. Подобно одному западному богослову (Антонію Арнольду), ты часто любилъ говорить: „жизнь дана для труда на пользу ближнихъ; вѣчность достаточна для отдыха“ — и доказалъ это своею собственною жизнью и дѣятельностью. Ты, архипастырь, что нарушилъ покой твоею рѣчью: она — отзвукъ наболѣвшаго, плѣющаго сердца, а въ дорогомъ образѣ твоемъ ищущаго для себя утѣшенія и поддержки въ переживаемомъ горѣ. Прости, Владыко, прости на вѣки!

Смотритель дух. училища, А. Леонтьевъ.